КИРСАНОВА Евгения Сергеевна

Научный сотрудник отдела исследований. Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток).
Электронная почта: yarutt@mail.ru

Морское кладбище: о памяти и забвении

УДК 351.853.1+504.9

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/46-68

*Владивосток,
Морское кладбище,
исторический
некрополь,
места памяти,
места забвения,
коллективная память,
памятники,
надгробия*

Статья посвящена мемориальному участку Морского кладбища Владивостока как месту памяти города в русле концепции мест памяти П. Нора. Выявлена роль кладбища в формировании коллективной идентичности горожан путем сохранения памяти о прошлом для предыдущих поколений. Дана краткая историческая справка Морского кладбища. Перечислены его особенности как исторического некрополя. Определены понятия «место памяти» и «место забвения». В качестве примеров, иллюстрирующих эти понятия, приведены наиболее знаковые захоронения на Морском кладбище, связанные с периодом дореволюционной истории Владивостока и с 1920 – 1930-ми гг. советской власти – периодом господства антирелигиозных настроений и активного уничтожения дореволюционных захоронений. Рассмотрены случаи изменения отношений людей к местам памяти в разные исторические периоды. Обозначено отношение современного российского общества к провинциальным некрополям.

¹ Значение слова «место» в данном случае довольно условно и не всегда обозначает собой какую-либо гео локацию или исключительно материальный объект: им может быть любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе: люди, предметы, события, песни, традиции, – всё то, что под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества. Причём значения этих символов могут меняться со временем [16, с. 35–36].

Для цитирования:
Кирсанова Е. С. Морское кладбище: о памяти и забвении // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 46–68. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/46-68

Народная мудрость гласит: «Хочешь узнать страну или город – посети рынок и кладбище». Полис и некрополис взаимосвязаны. Духовно-нравственное состояние человека наглядно выражается в состоянии мест захоронений его предков, в отношении потомков к этим местам. Кладбища не являются лишь объектами санитарного назначения или скорби – это сосредоточение социально-исторической памяти города. Проще говоря – его место памяти.

Под самим понятием «место¹ памяти» в русле концепции П. Нора подразумеваются места, на которых складывается память сообществ людей. Места памяти являются общими как для памяти, так и для истории и не формируются без их взаимодействия. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. С одной стороны, главная функция мест памяти – сохранять память, а с другой, места памяти существуют только благодаря тому, что о них помнят [13, с. 17–50]. Если же желание и возможность помнить исчезает, то «места памяти» превращаются в «места забвения».

Память нуждается в точках опоры (архивы, музеи, кладбища, памятники) – пространствах, где скапливаются и история, и память, и благодаря которым последняя может существовать. Цель таких мест «в остановке времени, в блокировании работы забвения, в фиксации настоящего по-

рядка вещей, в обесмерчивании смерти, в материализации нематериального для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков» [13, с. 41]. В данной статье объектом рассмотрения является некрополь, а именно мемориальный участок Морского кладбища Владивостока – старейшего из сохранившихся до наших дней кладбищ города. Уникальность этого места заключается и в том, что на его территории расположено несколько памятников федерального значения, находящихся под охраной государства, и большое количество памятников, имеющих значение региональное. В связи с этим имеет смысл говорить о культурной и исторической ценности данного некрополя, который может рассматриваться как экскурсионный объект, подлежащий музеефикации.

Само словосочетание «мемориальный участок» уже отсылает нас к тому, что на нём увековечена память сообществ о значимых именах и событиях. Это участок почётных захоронений, расположенных на территории кладбища, где до революции находились самые первые могилы военных моряков. Современный мемориальный участок сформировался уже в советское время и сегодня на этом месте похоронены жертвы военных конфликтов, морских, авиационных, транспортных катастроф, военнослужащие флота и армии, моряки, рыбаки, капитаны дальнего плавания, путешественники и исследователи Приморья, известные учёные, работники культуры и искусства, партийно-советские работники...

Конечно, в более узком смысле любое захоронение на кладбище является местом памяти для членов семьи покойного, но нас интересуют те объекты, которые приобрели символические черты и стали местами памяти для более широких сообществ людей: историков, краеведов, учёных, моряков, военных, и просто жителей города, равнодушных к его истории. Стоит отметить и тот факт, что, несмотря на чуть более чем столетнюю историю Морского кладбища, это место уже имеет пласт значимых, но исчезнувших в советское время объектов: будь то Скорбященская церковь, Одигитрие-Смоленская иноческая женская община или огромное количество дореволюционных захоронений – то есть тех объектов, которые уже не поддерживаются коллективной памятью, и из мест памяти превратились в места забвения. Эти объекты также будут рассмотрены в статье. Чтобы понять, как одни захоронения со временем становятся местами памяти, а другие – местами забвения, следует для начала обратиться к истории возникновения и развития самого Морского кладбища.

Официальной датой открытия кладбища является 23 сентября 1903 года, когда инженер-капитаном Нефедовичем состоялся отвод земли на склоне сопки Пологой в Гнилом Углу под кладбище Морского ведомства [6, с. 61]. Однако история этого места началась на год раньше, когда в 1902 году здесь были похоронены военные моряки, погибшие в результате случившейся во Владивостоке эпидемии холеры. Изначально кладбище было создано специально для захоронения военных моряков, солдат и офицеров Владивостокской крепости и его территория была разделена на два участка: морской и гарнизонный. Позже на кладбище стали хоронить и гражданских лиц. Название у кладбища сформировалось не сразу и именовалось оно по-разному: холерным, братским морским, военным, закрытым [6, с. 6, 4].

Большое количество первых братских захоронений на Морском кладбище появилось в период русско-японской войны. Это были братские могилы моряков крейсеров «Россия» и «Аскольд», солдат 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка [5, с. 239]. Захоронения эти

Рис. 1. Памятник морякам крейсера «Варяг» на Морском кладбище. 1956 г. Фото И. В. Андреев. Источник: (ПГОМ им. В.К. Арсеньева. Ф 10368. МПК3454/1-а).

были уничтожены в Советское время, и на их месте сформировался тот мемориальный участок кладбища, который существует сегодня.

Считается, что именно рядом с захоронением моряков крейсера «Рюрик» и появилась впоследствии братская могила нижних чинов крейсера «Варяг» [18, с. 248], принявших неравный бой с японской эскадрой в корейском порту Чемульпо 27 января (9 февраля) 1904 года. Изначально моряки были похоронены там же, в Корее, на берегу бухты Чемульпо, но 17 декабря 1911 года во Владивосток был передан прах 12-ти героев-моряков для торжественного перезахоронения на Морском кладбище. В 1912 году над братской могилой был сооружен памятник, построенный бригадой каменотёсов под руководством Я. Денисова по проекту гражданского инженера М. Чеснокова, – обелиск из серого гранита, завершающийся четырьмя килевидными кокошниками и гранитным Георгиевским крестом, как знаком награды для нижних воинских чинов за «неустрасимую храбрость» [14, с. 183].

Безусловно, памятник нижним чинам крейсера «Варяг» – одного из самых прославленных кораблей Русского флота – сегодня является символом стойкости и мужества русских моряков и ярким примером того, что принято называть «местом памяти». Ежегодно 9 февраля возле него проходит церемония памяти погибших и молебн, на который собираются командование Тихоокеанского флота, моряки Владивостокского военного гарнизона и неравнодушные

городские жители (Рис. 1). Но так было не всегда. В советское время памятник пострадал от рук самих же моряков Тихоокеанского флота, которые в 1934 г. сбили установленный на вершине обелиска Георгиевский крест, как ненавистный символ героев царского времени. Крест долгое время лежал рядом с памятником. Его восстановили только в 1946 г., когда вспомнили о символе героизма русских моряков. Более основательная реставрация памятника была проведена в 1989 г. по проекту В. А. Обертаса, и старый изломанный крест был заменен на новый [6, с. 49–50]. Сейчас этот мемориал относится к памятникам Федерального значения.

Существовали на Морском кладбище и значимые объекты, которые до нашего времени не сохранились. В 1908 г. в центре кладбища была построена церковь, освященная Архиепископом Владивостокским и Камчатским Евсеем 15 июня 1908 г. во имя иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость». Церковь была построена по проекту военного инженера А. И. Исакова. Небольшая по размерам, выкрашенная в серый цвет, она стояла на невысоком холме, и с её колокольни открывался вид на Амурский и на Уссурийский заливы. При постройке церкви использовались в основном строительные материалы, бывшие в употреблении: кирпич, доски, листовое железо различных технических и жилых помещений Морского ведомства. Изготовлением и устройством иконостаса занималась артель Работного дома. Главная храмовая икона «Всех Скорбящих Радость» была написана во Владивостокской художественной мастерской церковной живописи художника С. Н. Россолимо. Стены церкви были расписаны на библейские сюжеты. Пол выложен мозаичной плиткой. На колокольню, где были установлены четыре медных колокола, из внутреннего помещения вела винтовая лестница [6, с. 10–11] (Рис. 2).

Изначально церковь строилась как храм-памятник, как символическая братская могила моряков, погибших у стен Порт-Артура и в водах Корейского пролива, то есть как место памяти, и таковой она и являлась до 1923 года. После прихода к власти большевиков, в 1923 году церковь была передана в пользование группе верующих-обновленцев. После этого богослужения в ней практически прекратились. Церковь никто не ремонтировал, не сторожил, и она начала разрушаться. А в 1932 году из нее вынесли разломанный на части иконостас

Рис. 2. Каменная часовенка на могиле дочери генерала, поставленная в 1911 г. На заднем плане – церковь, освящённая во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в 1908 г. 1918–1919 гг. Фото Роберт Эйчельбергер Источник: [19].

Рис. 3. Вид Морского кладбища с Монастырской горы. 1919 г. Фото М. Хаскелл. Источник: [1].

и прочее внутреннее убранство, и сожгли. Сами стены разобрали на кирпичи жители близлежащей округи [6, с. 42, 47–48].

Сейчас от церкви остались лишь небольшие фрагменты фундамента, которые не так просто увидеть среди могил. На самом возвышении, где она когда-то стояла, располагается уложенная бетонными плитами площадка с единственным захоронением на ней – могилой второго начальника поста Владивосток Е. С. Бурачка (Рис. 3). О том, что на Морском кладбище когда-то имелаась церковь, знают немногие. Советское время уничтожило это место памяти, превратив его навсегда в историю.

Ещё одним объектом на Морском кладбище, исчезнувшим в 1920-е гг., является женский монастырь, строящийся здесь в промежутки между 1921 и 1923 гг. на территории за чешско-канадскими захоронениями. История этого строительства связана в первую очередь с именем игуменьи Руфины – прежде настоятельницы женского монастыря в Чердыни (Пермский край), которая была вынуждена перебраться на Дальний Восток в связи с событиями Гражданской войны. Сначала ею было открыто в конце 1920 г. небольшое женское подворье в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии-Путеводительницы» в трёхкомнатной владивостокской квартире на 7-й Матросской улице. Но Руфина мечтала построить настоящий женский монастырь и ей предложили взять на 20 лет в безвозмездную аренду четыре десятины Морского кладбища с правом постройки на нем жилья и пользования кладбищенской церковью Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», но с обязательным условием содержания территории некрополя в чистоте и порядке [18, с. 252–253].

Так летом 1921 года на Морском кладбище появилась женская монашеская община, в которой было уже около 20 монахинь и послушниц. Все они разместились в кладбищенском караульном домике, переоборудованном под монастырские кельи. Вскоре при содействии жертвователей (военных и офицеров) началось строи-

тельство кирпичного трёхэтажного здания монастыря, заложенного чуть ниже чешско-канадского кладбища. Планировалось, что первый этаж строения будет предназначаться под службы, второй – под жильё, а на третьем будет располагаться храм. Но задуманному не суждено было сбыться. В 1923 г. под угрозой ареста игуменье Руфине пришлось уехать в Харбин. Оставшимся во Владивостоке монахиням дальнейшее строительство монастыря было запрещено, и уже возведённые под крышу стены активно разбирались на кирпичи всеми, кому не лень. В 1928 г. общину распустили и её обитателей выгнали из занимаемого ими караульного дома [6, с. 32–34, 38]. Сегодня, так же как и от церкви, от монастыря остались лишь следы фундамента и изредка встречающийся рядом с местом его постройки, дореволюционный кирпич. Однако в память о монастыре, сопка Пологая, на склоне которой расположено кладбище, стала именоваться Монастырской.

Волна антирелигиозной пропаганды, прокатившаяся по всему Советскому Союзу в 1920–1930-е гг., кардинально меняла отношение людей не только к религии, но и к местам захоронения их предков – местам памяти. Церкви взрывали, кладбища уничтожали, превращая их в парки и скверы, либо возводя на их месте новые жилые микрорайоны. Надгробия использовались повторно, как строительный материал, так и по их прямому назначению – в качестве памятников для уже новых советских захоронений. Это происходило и во Владивостоке. За историю существования города, на его территории располагалось более десятка кладбищ, и большинство из них было ликвидировано в советское время [5, с. 235–246]. Старейшим местом захоронения, сохранившимся до наших дней и продолжающим функционировать до сих пор, является Морское кладбище, однако и оно в советский период претерпело сильные изменения. Практически все дореволюционные братские и индивидуальные могилы на кладбище были уничтожены. Со временем на местах этих захоронений стали появляться новые – советские могилы.

В большинстве случаев дореволюционные надгробия на Морском кладбище представляли собой деревянные кресты, которые не сохранились. Те же памятники, что чудом уцелели, также пострадали от вандализма. Сегодня мы не можем восстановить имена тех людей, кто был здесь похоронен до прихода советской власти. Даже метрические книги Скорбященской церкви велись только в период с 1912 по 1922 гг. Но до наших дней чудом сохранилось несколько частных надгробных памятников того времени. Они представляют для нас

Рис. 4. Надгробие коллежского секретаря Вуколова (1870–1907). 2018 г. Источник: архив автора.

Рис. 5. Надгробие офицера крейсера «Жемчуг» Е. А. Панько-Максимовича (1862–1909). 2018 г. Источник: архив автора.

году.

Надпись на одном из них гласит: «Здесь покоится тело Евгения Александровича Панько-Максимовича. 10.09.1862–28.09.1909. Мир праху твоему, честный труженик». Памятник выполнен в виде сложенной колонны, как символа оборвавшейся жизни, обвитой цепью с адмиралтейским якорем на ней (Рис. 5). Колонна – тоже довольно распространенная форма надгробия в России со времен классицизма. Однако в отличие от надгробий-колонн европейской части страны, где в качестве скульптурного декора часто выступали венки, гирлянды и лавр, этот памятник декорирован настоящей цепью с прикованным к ней якорем [9]. Эта деталь проводит аналогию колонны с корабельной мачтой и дает нам понять, что умерший принадлежал к людям морской профессии: Е. А. Панько-Максимович был офицером крейсера «Жемчуг», участником русско-японской войны, погибшем в 1909 г. на борту корабля при несении служебных обязанностей [21, с. 289].

Второе надгробие этого времени находится на могиле дочери подполковника 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александра Михайловича Миглевского – Ксении Миглевской (1891–1909). Изначально памятник представлял собой надгробие в виде «креста на Голгофе», но до нас дошло только основание памятника. Крест же был сбит с него ещё в советское время (Рис. 6).

большой интерес, так как наглядно демонстрируют черты своей эпохи – ведь история и время на кладбище запечатлены ещё и стилистически, в надгробиях, даже когда о людях, чьи имена на них написаны, нам уже практически ничего не известно.

Наверное, самым ранним памятником на кладбище, дошедшим до нас, является надгробие в виде дерева с обрубленными ветвями и надписью: «Здесь покоится прах коллежского секретаря (инициалы неразборчивы) Вуколова. 1870–1907 гг.» (Рис. 4). Такой формы памятники были не редкостью в дореволюционной России, начиная с XVII века, и устанавливались на могилах людей, со смертью которых закончился их род [9]. Стоит отметить предположение по поводу того, что данное надгробие в советское время было использовано повторно: отверстия по бокам каменной таблички с именем усопшего, дают основание предполагать о наличии поверх неё другой таблички с новым именем, со временем утерянной.

Ещё два уцелевших дореволюционных надгробия относятся к 1909

Возможно, эти надгробия уцелели, благодаря тому, что были выполнены из камня. Но не всем каменным строениям на кладбище так повезло. Известно, что чуть ниже церкви, вниз по дороге, располагалась маленькая каменная часовенка, поставленная на могиле дочери одного генерала в 1911 г. Как пишет в своей книге В. С. Гришечкин, занимающийся исследованием истории Морского кладбища: «Сделана она была из гранита и мрамора с коническим куполом, увенчанным крестом, и небольшими узкими окнами с цветными стеклами. Внутри нее была небольшая икона с лампадкой (Рис. 2). Овеянная трогательной легендой, она была предметом паломничества к ней молодых женщин, которые приходили «отмалывать» свои грехи» [6, с. 18–19]. В советское время, когда на кладбище царил хаос и запустение, часовенка была разрушена.

В 1919 г. на территории некрополя появились, представляющие особый интерес в историческом и архитектурном плане, участки иностранных захоронений. Речь идёт о мемориальном участке с могилами интервентов, погибших в Приморье во время Гражданской войны, – англичан, канадцев, французов и американцев, а также бойцов чехословацкого корпуса. Покидая город, командование иностранных войск обратилось во Владивостокскую городскую управу с просьбой отвести место под общий мемориальный некрополь. Место было выделено на Морском кладбище.

На территории чехословацкого мемориального комплекса в братских могилах и сотне одиночных захоронений покоятся солдаты и офицеры, погибшие во время контрреволюционного переворота 29 июня 1918 г., «Гайдовского восстания» 17 ноября 1919 г., на Уссурийском фронте, а также умершие от несчастных случаев и распространённых в то время болезней, таких как тиф, оспа и пневмония.

Торжественное открытие мемориала состоялось 1 мая 1919 г. при многочисленном участии legionеров, штаба Дальневосточного командования и представителей союзнических войск (Рис. 7). Изготовлением памятника, надгробий и элементов ограды занимались чехи, жившие в казармах неподалеку. Проект общего оформления братской могилы разработал лейтенант инженер Шабакский. Памятник проектировал скульптор стрелок Ян Странский. Работы над памятником длились с 15 октября 1918 г. по 25 апреля 1919 г. [22, с. 85].

Рис. 6. Надгробие дочери подполковника 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка – Ксении Миглевской (1891–1909). 2018 г. Источник: архив автора.

Рис. 7. Фотооткрытие памятника чехословацким legionерам, погибшим в Приморье в годы иностранной интервенции. Морское кладбище. 1919 г. Источник: [ПГОМ им. В.К. Арсеньева. Ф 45628. МПК 19076/9].

Центральный монумент мемориального участка выполнен в виде восьмигранного обелиска, вершину которого венчает скульптура сокола, как символ национальной славы чехов. Перед обелиском установлена статуя legionера с мечом (Рис. 8). Этот legionер больше всего и пострадал в советское время от рук вандалов. А поскольку Владивосток долгие годы оставался закрытым городом, реставрационные работы на этом участке смогли быть проведены только в 2005 г. Захоронение было восстановлено международной ассоциацией «Военные мемориалы» на средства, выделенные чешской стороной [14, с. 186]. Последняя реставрация на кладбище проводилась в 2018 г.

Рядом с чехословацким участком захоронений расположен второй мемориальный комплекс – англо-канадский, предназначенный для захоронений солдат и офицеров канадского, британского, французского и американского экспедиционных корпусов – интервентов, погибших в Приморье в 1918–1919 гг. от болезней и во время боевых действий против советских войск и партизан. В центре этого мемориального комплекса установлен большой латинский крест на основании из необработанного камня – ещё один вариант памятника по типу «крест на Голгофе» (Рис. 9, 10). Строительством этого памятника так же занимались чехи [22, с. 93]. Количество изначально похороненных на этом мемориальном участке военнослужащих сейчас установить невозможно: известно, что, покидая Владивосток, американцы вывезли прах своих соотечественников.

В советское время этот участок кладбища тоже разрушался, уничтожались надгробия, ломалась каменная ограда, центральный памятник лишился медных табличек, расположенных по четырём сторонам основания креста. В 1990-е гг. Владивосток посетила ко-

миссия Британского фонда по сохранению захоронений военнослужащих Великобритании, которая приняла решение о реконструкции кладбища. В ходе реконструкции, оконченной в 1996 г., вместо старых надгробий на могилах были установлены новые из серого гранита [14, с. 185–186]. Позднее реставрационные работы на территории мемориала стали проводиться периодически.

В. С. Гришечкин в своей книге «Морское кладбище: прошлое и настоящее» очень образно описывает этот участок захоронений: «До прихода советской власти чешское и канадское кладбища всегда были ухоженными и чистыми. Вокруг памятников были высажены цветочные клумбы, дорожки посыпаны песком и гравием, трава подстрижена. На летний период на чешском кладбище даже выставлялись растущие в кадках пальмы, убравшиеся на зиму в караульный дом. Ворота к кладбищам закрывались на замок и открывались для уборки. Иногда из города на извозчике приезжали состоятельные горожане, и тогда по их просьбе смотритель открывал ворота. Там гости прогуливались. На кладбищах было красиво и тихо» [6, с. 29].

В наше время, после всех проведённых реставраций, эта территория кладбища, как и раньше, привлекает внимание посетителей, выделяясь на общем фоне окружающих её, в основном скромных советских надгробий. Привлекает это место и равнодушных к истории иностранцев: чехов, канадцев, англичан, приезжающих сюда, чтобы отдать дань уважения своим землякам, возложить цветы, почтить их память.

Несмотря на разгул вандализма, царивший на кладбищах в советские годы, именно в этот период на мемориальном участке Морского некрополя появилось немало новых значимых для города захоронений и перезахоронений с других, уничтоженных кладбищ Владивостока. Некоторые из этих захоронений, без сомнения, являются важными местами памяти для многих городских сообществ.

В 1954 г. на Морское кладбище было перенесено несколько захоронений с закрытого чуть ранее кладбища на Эгершельде, на месте которого началось строительство нового жилого массива. Среди наиболее значимых перезахоронений были две братские могилы: бойцов Особой Краснознамённой Дальневосточной армии павших в бою под Мишань-Фу и бойцов, умерших от ран, полученных в боях у озера Хасан, а также прах выдающегося путешественника и учёно-

Рис. 8. Фотооткрытка. Памятник чехам на Морском кладбище. 1 мая 1919 г. Источник: [11].

Рис. 9. Канадский мемориал на Морском кладбище. 1919 г. Источник: [20].

памятника значится скульптор И. М. Личенко [17]. Однако с этим памятником связана одна интересная деталь: существует фотография Покровского кладбища конца XIX века, где на переднем плане изображён памятник с крестом, по очертаниям очень похожий на тот, который сейчас находится на братской могиле героев Мишань-Фу (Рис. 11). По словам краеведа В. С. Гришечкина, на территории мемориального участка некрополя имеются надгробия, использованные в советское время повторно [18, с. 255]. Вопросы вызывает и тот факт, что сам памятник и его навершие в виде шара выполнены из разного материала (Рис. 12). Возможно, вершину надгробия когда-то венчал крест, который в советское время был заменён на новую форму, без религиозного содержания, а надписи на памятнике перебиты... Но утверждать это точно сейчас не представляется возможным.

Рядом с памятником героям Мишань-Фу находится другое захоронение, перенесённое с того же Эгершельдского кладбища – братская могила бойцов умерших от ран, полученных в боях у озера Хасан в августе 1938 года. На ней установлен скромный бетонный обелиск с красной звездой (Рис. 13).

Изначально в четырёх могилах на Эгершельдском кладбище было захоронено 12 человек: красноармейцы К. Миронов, Е. Лосилкин, П. Мишенов, В. Быков, А. Николаев, Ф. Попугаев, Н. Тюрин, И. Баяндин, М. Семёнов, А. Труднев, лейтенант В. Черемнов, младший командир А. Гаврилов. В 1954 году на Морское кладбище перенесли прах четырёх бойцов – работников завода «Металлист» Н. К. Тюрина, А. С. Труднева, М. И. Семёнова и И. Б. Баяндина.

го В. К. Арсеньева. Все эти объекты сегодня имеют статус памятников Федерального историко-культурного значения.

В братской могиле бойцов Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, павших в бою под Мишань-Фу 17–18 ноября 1929 года при ликвидации конфликта на КВЖД и «отдавших свою жизнь за дело коммунизма», как написано на памятнике, покоится прах четырёх человек: красноармейцев С. К. Долгих, П. К. Панова, С. С. Строгонова и командира отделения И. М. Люнченко. Останки ещё 14-ти красноармейцев погребены в братской могиле в сквере на территории Суворовского училища г. Уссурийска.

Памятник, установленный на Морском кладбище, представляет собой изящный беломраморный обелиск, увенчанный шаром из мраморной крошки. В «Перечне объектов культурного наследия федерального значения, расположенных на территории Приморского края» автором

О том, что на прежнем месте остался прах остальных красноармейцев со временем многие забыли. Только в 1988 г. заботами краеведа В. В. Клименко на территории бывшего Эгершельдского кладбища, недалеко от того места, где когда-то находились захоронения, был установлен монумент героям Хасана в виде двух огромных стилизованных штыков – символа единства пограничников и бойцов Красной Армии, рука об руку разбивших врага на хасанской земле. На бетонной плите – каска и лавровый венок [3] (Рис. 14). Сейчас этот памятник окружают новые коттеджные постройки.

Ежегодно 11 августа на Морском кладбище и у памятника на Эгершельде проходят торжественные мероприятия с участием ветеранов, представителей администрации и общественности, посвященные памяти погибших в ходе хасанских событий красноармейцев.

Одним из самых известных и часто посещаемых захоронений на Морском кладбище является могила исследователя, путешественника и писателя В. К. Арсеньева (1872–1930) – человека, который прибыл во Владивосток в 1900 г. и 30 лет своей жизни посвятил изучению Уссурийского края. В последние годы жизни В. К. Арсеньев работал над своей самой большой работой «Страна Удэхе», к сожалению ныне бесследно утерянной, которая подводила итог его многолетних исследований. Во время своей последней экспедиции в низовья Амура он простудился и заболел воспалением легких. 4 сентября 1930 г. Владимира Клавдиевича не стало.

Только в начале нашего столетия доктором технических наук, профессором Г. П. Турмовым в одном из букинистических магазинов Москвы было обнаружено завещание В. К. Арсеньева следующего содержания: «Просьба! Убедительно и горячо прошу похоронить меня не на кладбище, в лесу и сделать следующую надмогильную надпись: «Я шел по стопам исследователей в Приамурском крае. Они ведь давно уже находятся по ту сторону смерти. Пришел и мой черед. Путник! Остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я также уставал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный абсолютный покой». В. Арсеньев» [18, с. 258–259].

Но в 1930 г. Владимира Клавдиевича хоронили всем городом на Эгершельдском кладбище. На могиле В. К. Арсеньева был установлен скромный небольшой памятник в виде стелы из рваного камня, увенчанной крестом, который в советское время сносили много раз и много раз устанавливали, изготавливая его из разных материалов (Рис. 15). Эта тенденция продолжалась и после того, как прах иссле-

Рис. 10. Два канадских офицера возле новых могил на канадско-британском участке захоронений. 1919 г. Источник: [20].

Рис. 11. Памятник на братской могиле бойцов ОКДВА, павших в бою под Мишань-Фу. Морское кладбище. 2018 г. Источник: архив автора.

дователя перенесли в 1954 г. на Морское кладбище вместе с надгробием. Сейчас на памятнике установлен новый крест из серого гранита (Рис. 16).

В Приморье свято чтут память выдающегося исследователя. Ежегодно 4 сентября на Морском кладбище возложить цветы, вспомнить жизнь и труды В. К. Арсеньева собираются краеведы, члены Общества изучения Амурского края, сотрудники музея имени В. К. Арсеньева и просто неравнодушные к его судьбе и деятельности горожане.

В конце 1980-х годов на мемориальном участке Морского кладбища появилось ещё два важных для города перезахоронения: командира поста Владивосток Е. С. Бурачка и вольного шкипера Ф. К. Гека.

На холме, где когда-то стояла кладбищенская церковь, 2 июля 1988 года было произведено перезахоронение со Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге останков второго командира и строителя поста Владивосток Е. С. Бурачка (1836–1911), оставившего потомкам весьма точное и полное описание жизни первых обитателей города в своей книге «Воспоминания заамурского моряка». Лейтенант Е. С. Бурачэк занял должность командира поста Владивосток, когда ему было 25 лет, и прослужил на ней с 1861 по 1863 гг. Вернувшись в Санкт-Петербург, он дослужился до звания контр-адмирала и умер в 1911 г. в возрасте 75-ти лет. Е. С. Бурачэк был похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Когда в 1980-х годах над Смоленским кладбищем нависла угроза закрытия и устройства на его месте зоны отдыха, к общественности города Владивостока обратился внук Е. С. Бурачка – Владимир Владимирович Бурачэк с просьбой перезахоронить прах его деда. Перезахоронение состоялось 2 июля 1988 года на мемориальном участке Морского кладбища. Ровно через

год на могиле было установлено изготовленное по проекту Б. А. Дьяченко надгробие – чугунный крест с позолоченной надписью «Ничем из ничего созидать» – фразой, которой Е. С. Бурачёк когда-то охарактеризовал свою деятельность и труд своих подчинённых в строящемся юном Владивостоке [7] (Рис. 17).

Не менее знаковое перезахоронение Ф. К. Гека (1836–1904) на мемориальном участке Морского кладбища было произведено двумя годами ранее – в 1986 г. Уроженец Финляндии Фридольф Гек прибыл в Приморскую область в 1869 г. на бриге «Император Александр II», привезя с собой около полусотни финских переселенцев. Здесь он занимался китовым и рыбным промыслом, перевозкой грузов, совершал рейсы научного характера, составлял карты и описания берегов Камчатки и Чукотки. В конце 1870-х гг. семьи Ф. Гека и М. И. Янковского поселились в бухте Сидими, где и произошла главная трагедия в жизни китобоя: во время его отсутствия китайские разбойники – хунхузы напали на дом, убили жену Ф. Гека и похитили сына.

От случившегося Фридольф Гек оправиться не мог, и ещё долгие годы безуспешно пытался отыскать следы мальчика. Со временем шкипер снова женился, в мае 1883 года у него появилась дочь Елена. Затем последовал ещё ряд научно-исследовательских и научно-промысловых экспедиций, но на 67-м году жизни, несмотря на почтенный возраст, Фридольф Гек застрелился [8].

Изначально шкипер Гек был похоронен на Покровском кладбище. После того как некрополь закрыли, в 1930 г. людям дали месячный срок на то, чтобы перезахоронить прах своих родных и убрать все надгробные памятники с территории бывшего кладбища. В такой спешке перенести останки не удалось практически никому. Могилы были скрыты и сравнены с землёй катками [12, с. 39–40]. Только в октябре 1986 года прах Фридольфа Кирилловича Гека и его жены Пелагеи Васильевны по инициативе членов ОИАК перенесли на Морское кладбище. А через три года на могиле было установлено надгробие с бронзовым бюстом известного мореплавателя, выполненное приморским скульптором Эдуардом Барсеговым [14, с. 189–190] (Рис. 18).

Что касается практики перезахоронений, то, конечно, в первую очередь она касалась наиболее значимых для города и общественности погребений. Однако сегодня мы можем сказать, что нередки и такие случаи, когда перенесённые могилы со временем предавались забвению. Это относится, например, к ещё одному перезахоронению,

Рис. 12. Покровское кладбище. Почтовая карточка. Кон. XIX в. Источник: [18, с. 148].

Рис. 13. Памятник на братской могиле бойцов умерших от ран, полученных в боях у озера Хасан. Морское кладбище. 2018 г. Источник: архив автора.

студился. В январе 1909 г., после затяжной болезни, Ф. Ф. Постников умер [2, с. 199–201].

Похоронили архитектора в Покровском некрополе. Позже его прах был перенесён на Морское кладбище. Сейчас об этом захоронении знают очень немногие. Ситуацию усугубляет и тот факт, что на надгробии Ф. Ф. Постникова, выполненном в виде резного чугунного креста, отсутствует даже табличка с именем (Рис. 19).

Рядом с могилой Ф. Ф. Постникова находится ещё одно перезахоронение, память о котором уже практически стёрлась в умах горожан. Речь идёт о могиле настоятеля лютеранской церкви святого апостола Павла во Владивостоке, декана лютеранских приходов Дальнего Востока – пастора Карла Августа Румпетера (1849–1912).

Карл Румпетер родился в семье крестьян Лифляндской губернии. Окончил богословский факультет в Германии и в 1880 г. был назначен на должность дивизионного проповедника Амурской и Приморской областей. В сентябре 1880 г. он прибыл во Владивосток. Несмотря на малоактивную религиозную жизнь того времени, богослужения пастор Румпетер проводил на трёх языках: немецком, финском и латышском, давал бесплатно уроки Закона Божия в учебных заведениях Владивостока, вёл активную общественную деятельность. Сначала богослужения проводились пастором в небольшом деревянном молитвенном доме. Позже по его инициативе в 1907–1909 гг. ря-

появившемуся на Морском кладбище с уничтоженного Покровского некрополя. Оно принадлежит главному Владивостокскому архитектору и основателю пожарного дела в городе Ф. Ф. Постникову (1869–1909).

Федор Постников родился в Москве в семье потомственных дворян. Получил звание техника-архитектора в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Более десяти лет проработал в Москве, а в 1906 г. прибыл во Владивосток, где быстро занял пост городского архитектора. Среди наиболее известных его проектов здание женской гимназии, музей Общества изучения Амурского края, хирургический корпус городской больницы и здание пожарной команды. Ф. Ф. Постников был не просто автором проекта и строителем первой пожарной части, но и сам занимал пост начальника городской пожарной команды и вольной дружины. Именно это дело и стало причиной его смерти. Федор Постников в ноябре 1908 г. при тушении пожара провалился сквозь прогоревшую крышу, получив серьёзные ушибы, и, кроме этого, сильно про-

дом с деревянной постройкой было возведено по проекту архитектора Г. Р. Юнгхенделя новое кирпичное здание лютеранской церкви св. Павла [10].

Пастор Румпетер пользовался большим уважением во многих городах Дальнего Востока, которые он ежегодно объезжал в течение нескольких месяцев, посещая паству. В 1912 г. во время своего визита в Благовещенск пастор скоропостижно скончался от паралича сердца. Тело его было перевезено во Владивосток и похоронено в церковной ограде новой кирпичной церкви [10]. На могиле пастора был установлен памятник из чёрного мрамора в виде четырёхгранногоobelиска, увенчанного высоким латинским крестом. Автором надгробия стал тот же архитектор Г. Р. Юнгхендель. Когда церковь была закрыта в 1930-е годы при новой власти, лютеране перенесли прах пастора Румпетера на Морское кладбище вместе с памятником. Позже, в 1988 г., надгробие было отреставрировано Приморским отделением Всероссийского общества охраны памятников [14, с. 194] (Рис. 19).

Конечно, количество захоронений на Морском кладбище, которые сегодня можно назвать местами памяти или забвения, не ограничивается рассмотренными выше объектами. В данной статье речь шла о тех захоронениях, которые связаны с дореволюционной жизнью города и 1920–1930-ми годами советской власти – периодом господства антирелигиозных настроений и активного уничтожения дореволюционных захоронений. Позже на мемориальном участке появилось немало новых памятных мест. И если некоторые захоронения явля-

Рис. 14. Монумент героям Хасана на территории бывшего Эгершельдского кладбища. 2019 г. Источник: архив автора.

Рис. 15. Памятник на могиле В. К. Арсеньева. Эгершельдское крепостное кладбище. 1930-е – нач. 1950 х гг.
Источник: [4].

интерес, то становится понятно, что любое кладбище имеет огромную историческую ценность. Кроме того, культурная и социальная значимость некрополя состоит в его непосредственной связи с проблемой сохранения памяти о прошлом для предыдущих поколений и в формировании коллективной идентичности, для которой важным компонентом являются представления об общем прошлом, общая память.

На мемориальном участке Морского некрополя Владивостока без сомнения имеется ряд объектов, которые, являясь местами памяти, посещаются регулярно различными сообществами людей. Однако, как было написано выше, немало захоронений, имеющих историческую ценность для города и региона, уже не поддерживаются общественной памятью и постепенно предаются забвению. Кроме того, большинство объектов дореволюционной истории Владивостока на кладбище безвозвратно утрачено. Изменить ситуацию сейчас – задача невыполнимая, но поддерживать память о людях и событиях представляется возможным и необходимым.

Как писал историк и профессор М. Т. Белявский: «Могины предков – это драгоценное наследие, без которого нельзя читать книгу истории». К сожалению, по Владивостокским некрополям «прочитать полную книгу истории» города невозможно. Кладбищ, на которых были похоронены те люди, которые первые создавали и развивали

ются местами памяти для отдельных городских сообществ, то мемориальный участок кладбища в целом является местом памяти для всего города, история которого, пусть фрагментарно, но запечатлена здесь. Каждая эпоха представлена на кладбище своими выдающимися именами: это и люди, с деятельностью которых непосредственно связана дореволюционная история города, и герои русско-японской войны, и интервенты, и советские герои, и моряки, большое количество братских могил которых напоминает нам, что это именно «морское» кладбище; оставили свой след на кладбище и лихие «девяностые» и «нулевые» с грандиозными мемориалами своих «героев».

Современная ситуация такова, что в Российском обществе значение провинциальных некрополей всё чаще ставится под сомнение, и культура посещения кладбищ в таких городах, как, например, Владивосток, практически не развита. Однако если говорить о кладбище как о месте памяти, а не как о музее под открытым небом, с большим количеством памятников, представляющих художественный

город, порт и крепость, в наше время уже просто не существует [5, с. 234]. И только на Морском кладбище имеется небольшой исторический некрополь, на котором расположен целый ряд захоронений и перезахоронений, связанных с ранней историей Владивостока – онто и является местом памяти города.

Рис. 16. Памятник на могиле В. К. Арсеньева. Морское кладбище. 2018 г. Источник: архив автора.

Рис. 17. Памятник на могиле Е. С. Бурачка. Морское кладбище. 2018 г. Источник: архив автора.

Рис. 18. Потомки Фридольфа Гека у его памятника на Морском кладбище. 1986 г. Фото В. П. Белоусов. Источник: [ШГОМ им. В.К. Арсеньева. МПК 13630-91_1].

Рис. 19. Чугунный крест на могиле Ф. Ф. Постникова. На заднем плане – надгробие пастора Карла Румпетера. Морское кладбище. 2019 г. Источник: архив автора.

Литература

1. Анча Д. А., Калинин В. И., Позняк Т. З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920. – Хабаровск: Риотип, 2009. 328 с.
2. Базилевич М. Е. Московский и Владивостокский архитектор Постников Федор Федорович (1869–1909 гг.). // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. Т. X. Ч. 1. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. С. 199–204.
3. Берчанская Л. Баллада о памятнике [Электронный ресурс] // Электронная версия газеты «Владивосток». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/2305/9140/ballada_pamyatnike [Дата обращения: 1.05.2018].
4. Владивосток: каким он был и каким стал [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://volcha57.livejournal.com/60300.html>. [Дата обращения: 1.05.2018].
5. Владивосток. Путеводитель по городу. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993. 254 с.
6. Гришечкин В. С. Морское кладбище: прошлое и настоящее. – Владивосток: Издательская группа «Восток-Контракт», 2010. 120 с.
7. Егорчев И. Робинзонада лейтенанта Бурачка [Электронный ресурс] // Электронная версия газеты «Владивосток». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3867/107352/robinzonada_leytenanta [Дата обращения: 1.05.2018].
8. Егорчев И. Штормовая судьба шкипера Гека [Электронный ресурс] // Электронная версия газеты «Владивосток». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3058/26750/shtormovaya_sudba [Дата обращения: 1.05.2018].
9. Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура [Электронный ресурс] // Библиотека с книгами по скульптуре. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000009/> [Дата обращения: 1.05.2018].

10. Карл Август Румпетер, пастор [Электронный ресурс] // ПГПБ им. А. М. Горького. Немецкий читальный зал. URL: <http://old.pgpb.ru/cd/german/foto/rump.htm> [Дата обращения: 31.05.2019].
11. Коллекционные открытки 1900 – 1917 гг. [Электронный ресурс] // Auction.ru. URL: https://auction.ru/offer/vladivostok_pamjatnik_chekham_1_v_1919_g_chekhoslovackij_korpus_grazhdanskaja_vojna-i109255791052782.html [Дата обращения: 1.05.2018].
12. Мизь Н. Г. Покровский мемориальный парк Владивостока. Исторический очерк. – Владивосток: Общество изучения Амурского края, 2018. 240 с.
13. Нора П. Франция-память. – СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
14. Обертас В. А. Памятники истории и культуры города Владивостока. – Владивосток: Издательство Светлана Кунгурова, 2012. 250 с.
15. Памятник чехам на Морском кладбище. 1919 г. [Электронный ресурс] // Retro View of Mankind's Habitat. URL: <https://pastvu.com/p/402628> [Дата обращения: 1.05.2018].
16. Сабанчиев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38.
17. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> [Дата обращения: 1.05.2018].
18. Турмов Г. П., Хисамутдинов А. А. Владивосток. Исторический путеводитель. – М.: Вече, 2017. 320 с.
19. Цифровой архив Роберта Эйчельбергера [Электронный ресурс] // Библиотека университета Дьюка. URL: <https://repository.duke.edu/dc/esr/esrph080013380> [Дата обращения: 1.05.2018].
20. Цифровой архив Эдвина Говарда Стефенсона. [Электронный ресурс] // Канадская Сибирская Экспедиция. URL: http://www.siberianexpedition.ca/digital_archive/search.php?q=marine%20cemetery&page=20#text-for-search [Дата обращения: 1.05.2018].
21. Челомбитко А. Н. Офицеры флота, корпусов, гражданские и Медицинские чины, Судовые священники Морского ведомства – участники Русско-японской войны 1904–1905 гг. – Москва: форум Кортик, 2016. 483 с.
22. Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чехословацким добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия лаборатории древних технологий. Научный журнал. 2016. № 2 (19). С. 82–96.

Evgeniya S. KIRSANOVA

Research Fellow. Primorsky State United Museum named after V. K. Arsenyev (Vladivostok, Russia)

E-mail: yarutt@mail.ru

Morskoye Cemetery: about Memory and Oblivion

UDC 351.853.1+504.9

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/46-68

The article is devoted to the memorial site of the Vladivostok Morskoye cemetery as a commemoration place of the city in line with the P. Nora's concept of places of memory. The role of the cemetery in the formation of the collective identity of citizens by preserving the memory of the past for previous generations is revealed. A brief historical reference of the Morskoye cemetery is given. Its features as a historical necropolis are listed. The concepts of «place of memory» and «place of oblivion» are defined. As examples illustrating these concepts, the most significant burials at the Morskoye cemetery associated with the period of pre-revolutionary history of Vladivostok and with the 1920–1930-ies of the Soviet power – the period of domination of anti-religious sentiments and active destruction of pre-revolutionary burials are given. Cases of change in people's attitudes to places of memory in different historical periods are considered. The attitude of the modern Russian society to provincial necropolises is indicated.

*Vladivostok,
Morskoye cemetery,
historical necropolis,
places of memory,
places of oblivion,
collective memory,
monuments,
gravestones.*

For citation: Kirsanova E. S. Morskoye cemetery: about memory and oblivion // Oriental Institute Journal. 2019. № 3. P. 46–68. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/46-68

References

1. Ancha D. A., Kalinin V. I., Poznyak T. Z. Vladivostok v fotografiyakh Merrilla KHaskella. 11 avgusta 1919 – 23 fevralya 1920. – Khabarovsk: Riotip, 2009. 328 s.
2. Bazilevich M. E. Moskovskij i Vladivostokskij arhitektor Postnikov Fedor Fedorovich (1869–1909 gg.). // Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnykh chtenij pamyati S. N. Balandina. T. KH. CH. 1. – Novosibirsk: Novosib. gos. arhit.-khud. akad., 2015. S. 199–204.
3. Berchanskaya L. Ballada o pamyatnike [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnaya versiya gazety «Vladivostok». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/2305/9140/ballada_pamyatnike [Data obrashheniya: 1.05.2018].
4. Vladivostok: kakim on byl i kakim stal [EHlektronnyj resurs] // Livejournal. URL: <https://volcha57.livejournal.com/60300.html>. [Data obrashheniya: 1.05.2018].
5. Vladivostok. Putevoditel' po gorodu. – Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 1993. 254 s.
6. Grischevkin V. S. Morskoe kladbishhe: proshloe i nastoyashhee. – Vladivostok: Izdatel'skaya gruppa «Vostok-Kontrakt», 2010. 120 s.
7. Egorchev I. Robinzonada leytenanta Burachka [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnaya versiya gazety «Vladivostok». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3867/107352/robinzonada_leytenanta [Data obrashheniya: 1.05.2018].
8. Egorchev I. SHtormovaya sud'ba shkipera Geka [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnaya versiya gazety «Vladivostok». URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3058/26750/shtormovaya_sudba [Data obrashheniya: 1.05.2018].
9. Ermonskaia V. V., Netunakhina G. D., Popova T. F. Russkaya memorial'naya skulptura [EHlektronnyj resurs] // Biblioteka

s knigami po skulpture. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z00000009/> [Data obrashheniya: 1.05.2018].

10. Karl Avgust Rumpeter, pastor [EHlektronnyj resurs] // PGPB im. A. M. Gor'kogo. Nemetskij chital'nyj zal. URL: <http://old.pgpb.ru/cd/german/foto/rump.htm> [Data obrashheniya: 31.05.2019].

11. Kolleksionnye otkrytki 1900 – 1917 gg. [EHlektronnyj resurs] // Auction.ru. URL: https://auction.ru/offer/vladivostok_pamjatnik_chekham_1_v_1919_g_chekhoslovackij_korpus_grazhdanskaja_vojna-i109255791052782.html [Data obrashheniya: 1.05.2018].

12. Miz' N. G. Pokrovskij memorial'nyj park Vladivostoka. Istoricheskij ocherk. – Vladivostok: Obshhestvo izucheniya Amurskogo kraja, 2018. 240 s.

13. Nora P. Frantsiya-pamyat'. – SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.

14. Obertas V. A. Pamyatniki istorii i kul'tury goroda Vladivostoka. – Vladivostok: Izdatel'stvo Svetlana Kungurova, 2012. 250 s.

15. Pamyatnik chekham na Morskom kladbishhe. 1919 g. [EHlektronnyj resurs] // Retro View of Mankind's Habitat. URL: <https://pastvu.com/p/402628> [Data obrashheniya: 1.05.2018].

16. Sabancheev R. YU. Kontseptsiya «mest pamyati» Pera Nora kak sposob istoricheskoy rekonstruktsii. // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2018. № 1. S. 33–38.

17. SvedeniyaizEdinogogosudarstvennogo

reestra ob»ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federatsii [EHlektronnyj resurs] // Portal otkrytykh dannyx Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federatsii. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> [Data obrashheniya: 1.05.2018].

18. Turmov G. P., KHisamutdinov A. A. Vladivostok. Istoricheskij putevoditel'. – M.: Veche, 2017. 320 s.

19. TSifrovoj arkhiv Roberta EHjchel'bergera [EHlektronnyj resurs] // Biblioteka universiteta D'yuka. URL: <https://repository.duke.edu/dc/esr/esrph080013380> [Data obrashheniya: 1.05.2018].

20. TSifrovoj arkhiv EHdvina Govarda Stefensona. [EHlektronnyj resurs] // Kanadskaya Sibirskaya EHkspeditsiya. URL: http://www.siberianexpedition.ca/digital_archive/search.php?q=marine%20cemetery&page=20#text-for-search [Data obrashheniya: 1.05.2018].

21. CHelombitko A. N. Ofitsery flota, korpusov, grazhdanskie i Meditsinskie chiny, Sudovye svyashhenniki Morskogo vedomstva – uchastniki Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. – Moskva: forum Kortik, 2016. 483 s.

22. YAKl T. «V pamyat' o brat'yakh, pavshikh na Rusi»: stroitel'stvo pamyatnikov pavshim chekhoslovatskim dobrovol'tsam v Rossii v 1918–1920 gg. // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologij. Nauchnyj zhurnal. 2016. № 2 (19). S. 82–96.